

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 342.9

Андрей Александрович КОНДРАШЕВ,
заведующий кафедрой конституционного, административного
и муниципального права Юридического института
Сибирского федерального университета (г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор

legis75@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА ИНФОРМАЦИЮ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

THE MAIN TRENDS IN RESTRICTING CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS TO INFORMATION ON THE INTERNET: RUSSIAN LEGISLATION AND PRACTICE

Статья посвящена проблеме ограничения свободы выражения мнения в Интернете в России. Автор на основе сравнения китайско-азиатской и американско-европейской моделей регулирования размещения информации в сети Интернет приходит к выводу, что Россия постепенно движется в сторону механизма регулирования Интернета, инициированного Китаем. Об этом свидетельствует экспоненциальное увеличение числа оснований внесудебного блокирования интернет-ресурсов, рост числа уполномоченных органов, имеющих право принимать решения о блокировках, постоянное увеличение и ужесточение санкций (уголовных и административных) за размещение той или иной информации в сети Интернет.

The article is devoted to the problem of restricting freedom of expression on the Internet in Russia. On the basis of a comparison between the Sino-Asian and American-European models for regulating the placement the information on the Internet, the author comes to the conclusion that Russia is gradually moving towards the mechanism for regulating the Internet initiated by China. The evidence includes the exponential increase in the number of out-of-court grounds for blocking Internet resources as well as the increase in the number of bodies authorized to decide on blocking resources and toughening sanctions (criminal and administrative) for placing particular information on the Internet.

Ключевые слова: свобода слова, свобода выражения мнения, ограничения свободы распространения информации в сети Интернет, закон об ответственности за оскорбление государства, уголовная ответственность за высказывания в Интернете.

Keywords: *freedom of speech, freedom of expression, restrictions on freedom of information dissemination on the Internet, law on liability for insulting the state, criminal liability for statements on the Internet.*

В последние годы, а именно с 2012 года, российское государство принимает разнообразные законы, направленные на регулирование размещения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, причем используя инструменты, позволяющие в широких пределах ограничивать реализацию конституционных прав и свобод граждан: от свободы выражения мнения до права на охрану частной жизни.

Как известно, посредством сети Интернет может быть реализовано практически любое конституционное (основное) право человека. Как отмечает М.Ю. Серeda, «ограничение доступа к ресурсу может затронуть не только свободу распространения информации, но и свободу СМИ, свободу предпринимательства, право на образование и др. Существующее законодательство об ограничении прав и свобод в сети Интернет предполагает применение мер государственного принуждения, не всегда являющихся мерами юридической ответственности. Указанные меры действуют в отношении физических и юридических лиц, не нарушающих законодательства» [8].

Международная правозащитная организация Human Rights Watch (HRW) опубликовала еще в 2017 году доклад о системе ограничений свободы слова в России – «Онлайн и по всем фронтам. Наступление на свободу выражения мнений в России».

По мнению экспертов этой авторитетной международной организации, ряд законов Российской Федерации, принятых после 2012 года, последовательно направлены на сужение пространства для общественных дискуссий, в том числе в Интернете, и особенно по вопросам, которые российские власти считают для себя неудобными или чреватými расколом в обществе. [12]

Среди законов, фигурирующих в докладе HRW, упоминаются все резонансные законодательные инициативы последних лет: закон о защите чувств верующих (Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»), так

называемый закон Лугового (Федеральный закон от 28.12.2013 № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»»), принятый в 2013 году, который позволяет властям в 24 часа и без судебного распоряжения блокировать онлайн-ресурсы, распространяющие призывы к массовым беспорядкам, экстремистским действиям или участию в несанкционированных массовых мероприятиях, принятый в декабре 2018 года закон Яровой (Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»), закон о борьбе с колумбайн-сообществами (Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности») о блокировке не только информации, толкающей детей на совершение противоправных действий, но и контента, который склоняет несовершеннолетних к действиям, представляющим опасность для их жизни и здоровья.

Конечно, нельзя считать правильным утверждение, что государство должно полностью устраниваться от государственного контроля и регулирования размещения информации в Интернете. Ведь с помощью сети Интернет каждый год совершается все больше различных правонарушений – от мелкого кибермошенничества до организации террористических актов, кроме того, Интернет, как указывается некоторыми авторами, может использоваться в целях ведения информационных войн. [2]

Как известно, ст. 29 Конституции РФ закрепляет комплексное субъективное право – свободу слова (ч. 1) в совокупности со свободой выражения своего мнения (ч. 3) и свободой доступа к информации и ее распространения (ч. 4). Хотя в науке есть и иная

позиция – рассматривать каждое из них как самостоятельное субъективное право. Например, свобода выражения мнения, как считают некоторые исследователи, относится к наиболее признанным правам человека – это право закреплено в конституциях более 87% стран. [9]

Ни в одной из зарубежных конституций исследуемое нами комплексное субъективное право не рассматривается как абсолютное. Оно подлежит ограничениям, которые необходимы для обеспечения государственной безопасности, защиты публичных и частных интересов.

В современный период основным способом ограничения прав и свобод человека в сети Интернет является ограничение доступа пользователей к интернет-ресурсам (далее – блокировка интернет-ресурсов) посредством возложения обязанности на операторов связи (провайдеров доступа) с помощью фильтрации адресов ресурсов с запрещенной информацией.

В разных странах мира исторически сложились различные политико-правовые концепции в отношении свободы распространения информации и выражения своего мнения. Так, в США и некоторых европейских государствах реализуется стратегия минимального вмешательства государства в процесс управления сетью Интернет и ограничений доступа к контенту. При этом национальное законодательство этих стран содержит нормативно-правовые акты, нацеленные на борьбу с терроризмом, охрану авторских прав, защиту несовершеннолетних от воздействия вредной информации, которые также предусматривают в качестве ограничительной меры блокировку сайтов, как правило, по судебному решению. [3]

В противоположность этому китайско-азиатская модель¹ правового регулирования интернет-сферы является более жесткой и преследует в качестве основной цели невозможность доступа к информации, содержащейся на сайтах вне Китая и содержа-

щих критику политического режима. [5] Эта система получила название «Золотой шит», она просто блокирует доступ к сотням тысяч сервисов. [10] Блокирование сайтов происходит как автоматически, как только система определяет слова и словосочетания, находящиеся в «черном списке», так с помощью работы десятков тысяч «частных» цензоров, работающих на аутсорсе. Кроме того, система автоматически блокирует доступ к глобальным сервисам, таким как Google, Facebook, YouTube, Instagram, Twitter, сайт Википедии на всех языках, ресурсам различных иностранных СМИ – The New York Times, The Independent, Bloomberg, BBC и другим. [4] Фактически и наша страна последовательно идет по пути регулирования Интернета, используемому властями Китая. Об этом свидетельствует принятие Госдумой инициативы, предложенной сенатором А. Клишасом, – закона о суверенном Рунете – проект Федерального закона № 608767-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» (окончательная ред., принятая ГД ФС РФ 16.04.2019), который позволяет создать инфраструктуру полной изоляции российского Интернета по китайскому образцу.

В конце 2015 года Швейцарский институт сравнительного законодательства Совета Европы изучил вопрос о блокировании, установлении фильтров и изъятии интернет-контента. Это было комплексное исследование, коснувшееся законодательства, которое предусматривает ограничительные меры, например, в области защиты авторских прав, борьбы с детской порнографией, антитеррористических мер, клеветы и других сфер, обращая особое внимание на процессуальный аспект и гарантии свободы выражения мнения. [11]

В докладе подчеркивалось, что в большинстве государств-членов законодательство об ограничительных мерах доступно и

1 Во Вьетнаме с 1 января 2018 года действует закон, обязывающий Facebook и Google хранить данные пользователей на территории страны, запрещающий критиковать действующие власти и обязывающий интернет-провайдеров выдавать данные пользователей по запросу. В Индонезии тоже действует закон о локальном хранении данных. Сплошного запрета на иностранные соцсети нет, но в стране часто запрещают отдельные сервисы – в 2017 году это был Telegram из-за террористических каналов, в 2018 году – Vimeo, Tumblr и Reddit по цензурным соображениям..

предсказуемо, является точным и ясным в применении. В некоторых случаях оно допускает наложение ограничительных мер на онлайн-контент с применением расплывчатых, неточных и излишне широких выражений, таких как «унижение национального достоинства», «богохульство», «оскорбление чувств» или в области борьбы с терроризмом, таких как «экстремизм», «террористическая пропаганда» или «содействие терроризму». Как отмечается в зарубежной литературе, «стратегии блокирования зачастую непрозрачны, и административные органы недостаточно подотчетны общественности. Апелляционные процедуры либо отсутствуют либо, при их наличии, неэффективны. Таким образом, все больше и больше ставится под сомнение совместимость мер блокирования доступа с фундаментальным правом на свободу самовыражения» [1].

Какие же тенденции можно выявить, проанализировав развитие российского законодательства в сфере ограничения прав на распространение информации в сети Интернет за последние 20 лет?

1. Начиная с 2000-х годов наблюдается как увеличение составов преступлений экстремистской направленности, так и внедрение в составы иных преступлений так называемых «экстремистских» мотивов при том, что само это понятие было введено в законодательный оборот только в 2001 году (4 специальных состава, и плюс 4 состава с соответствующим мотивом)¹. Причем большая часть статей УК РФ, содержащих данный термин, применяется именно к деяниям, совершенным не с помощью каких-либо действий, направленных против жизни и здоровья граждан, или даже призывов к насилию, а посредством размещения материалов информационного содержания в сети Интернет. Можно только приветствовать недавнее принятие Федерального закона от 27.12.2018 № 521-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» – о декриминализации первичного размещения информации,

содержащей экстремистский контент в сети Интернет, и перевод этого состава в административный проступок.

Но при этом мы опять имеем появление так называемой «административной преюдиции» (как и в случае с нарушениями законодательства о публичных мероприятиях), когда повторное нарушение приводит к наступлению уже уголовной ответственности.

С 2010 года наблюдался значительный рост числа уголовных дел по так называемым «экстремистским» статьям, особенно в связи с репостами и перепостами в социальных сетях и блогах. Если в 2010 году по экстремистским статьям были осуждены 30 пользователей соцсетей, то в 2015 году – уже 216. В 2014-2016 годах с онлайн-активностью было связано около 85% приговоров за «экстремистские высказывания» с наказаниями от штрафа и обязательных работ до лишения свободы. По данным Центра «Сова», который периодически публикует списки лиц, лишенных на данный момент свободы за «экстремистские преступления» необщественного характера, в списке на сентябрь 2015 года значились 54 фамилии, а в февральском 2017 года – уже 94. [6]

2. Второй тенденцией можно назвать рост количества государственных органов, наделенных правом принимать решения о блокировке доступа к интернет-ресурсам. Полномочиями в области блокировки интернет-ресурсов обладают: суды, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации ФНС, МВД РФ, Генеральная прокуратура РФ, Минюст, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), Росмолодежь, ФССП.

3. Еще одной тенденцией правового регулирования информации, размещаемой в сети Интернет, стало увеличение количества оснований блокировки доступа во внесудебном порядке. Если до 2012 года практически

¹ При этом в Уголовном кодексе РСФСР, утратившем силу с 1 января 1997 года, был такой состав, как «нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии» (ст. 74), и еще один состав (ст. 102 «Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах») предусматривал наличие соответствующего мотива..

все решения о блокировке доступа к интернет-сайтам выносили суды по искам заинтересованных лиц (в этом качестве выступали граждане, организации, ФНС, МВД и т.д.), то в настоящее время большинство случаев блокирования осуществляется именно в рамках специфических оснований Роскомнадзором по обращению уполномоченных органов. К числу этих оснований отнесены: нарушение запрета на осуществление экстремистской деятельности, деятельность, связанная с организацией азартных игр, незаконное использование объектов интеллектуальной собственности, нарушение законов Российской Федерации (например, способы ухода от налогов); распространение информации, причиняющей вред здоровью и развитию несовершеннолетних (от порнографии и информации, побуждающей к суициду, до нецензурной брани); информация о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств; продажа алкоголя онлайн; информация, содержащая призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, информационные материалы иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

4. Четвертой тенденцией можно назвать произошедший де-факто переход от судебного способа блокировки интернет-контента к административному порядку принятия решений о блокировании доступа к информации, причем с сокращением времени на принятие решений о блокировании контента провайдером. С каждым годом количество случаев блокирования информации по судебным решениям падает, а блокировка информации в Интернете по решениям уполномоченных органов выросла в десятки раз. Согласно нынешнему законодательному регулированию, введенному в декабре 2018 года, хостинг-провайдер, получив предписание от Роскомнадзора, должен «незамедлительно» уведомлять владельца сайта об этом. Тот должен будет «незамедлительно» (не позднее 24

часов) удалять запрещенный контент, иначе сайт будет заблокирован.

Ускоренный процесс блокировок затронул следующие виды запрещенного контента: детская порнография, пропаганда суицида, распространение наркотических препаратов, азартные игры, продажа алкоголя и распространение имен несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений. Также под упрощенный порядок попали блокировки, осуществляемые по решениям судов. И это, возможно, можно было признать достаточным, если бы законодатель в 2018 году не расширил этот список такими деяниями, как призывы к массовым беспорядкам, к осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, размещение недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, информационных материалов иностранной или международной неправительственной организации. Во всех указанных случаях велика доля усмотрения со стороны Генеральной прокуратуры, а самое главное – это наличие неопределенных и оценочных терминов, не исключающих возможность избирательного правоприменения.

5. И, наконец, пятой тенденцией выступает наличие в законодательстве оценочных и неясных с точки зрения формальной определенности терминов, не имеющих известных стандартов правоприменения, используемых для принятия решений о блокировании доступа к информации.

Так, под критерий «информация о способах совершения самоубийства» (пп. «в» п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019)

«Об информации, информационных технологиях и о защите информации») подпадают многие классические произведения, историческая, религиозная (буддийская) и страноведческая литература.

Согласно официальной статистике Роскомнадзора, за пять лет в Реестр были внесены 322 тысячи интернет-ресурсов, в том числе 34,6% были заблокированы по решению суда. [7]

Что необходимо сделать для изменения и совершенствования законодательства и судебной практики по ограничению прав граждан России в Интернете:

1) декриминализовать все деяния, предусматривающие ответственность за высказывания в Интернете, которые не содержат прямых призывов к насильственным действиям (а также за репосты и лайки высказываний) по таким антиэкстремистским статьям, как ст. 280, 282 УК РФ, а также по статье за оскорбление чувств верующих (ст. 148 УК РФ), ст. 212.1 УК РФ (неоднократное нарушение порядка проведения массового мероприятия), 284.1 УК РФ (деятельность нежелательной организации);

2) блокировка доступа к информационным ресурсам в Интернете должна быть возможна по общему правилу только на основании судебного решения, а административный порядок блокировки следует оставить только для тех случаев, которые касаются материалов, связанных с сексуальной эксплуатацией детей либо с информацией о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, местах приобретения таких средств, а также организации террористических актов;

3) необходимо исключить прокуратуру из числа субъектов, которые наделены правом подавать соответствующие иски в суды или решения о досудебной блокировке сайтов, содержащих экстремистский контент. Это должны делать только субъекты, чьи права нарушены информацией, размещаемой на сайте (например, местные администрации в отношении несогласованных массовых мероприятий), или органы, непосредственно ответственные за расследование преступлений этой категории (органы внутренних дел при

условии проведения соответствующей экспертизы);

4) необходимо наделить правом обжалования решений (принятых как в административном, так и в судебном порядке) о включении интернет-ресурсов в различного рода списки запрещенных сайтов всех заинтересованных лиц, в том числе и граждан, так как в случае блокировки ресурса с запрещенным контентом одновременно может быть заблокирован доступ к информации, распространение которой не нарушает законодательства России.

Выводы. Постепенно происходит движение нашей страны от реагирования на фактически размещенную информацию в сети к жестко контролируемому государством механизму многослойной фильтрации интернет-контента, причем без использования судебных решений только на основе усмотрения уполномоченных органов, использующих оценочные и неопределенные основания для принятия решений, что расширяет возможности для юридически опосредованного ограничения права граждан на свободу выражения своего мнения.

В настоящий момент мы наблюдаем начало деятельности так называемых законов о неуважении к власти (Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»), которые фактически вводят административную ответственность для граждан (опять же с установлением жестких санкций) и блокировку интернет-ресурсов за критику органов власти, конкретных должностных лиц. Причем блокировка осуществляется незамедлительно по требованию Генеральной прокуратуры (Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"»).

Подобные законы действительно действуют в некоторых странах Европы (в Германии, Франции и Бельгии), но там они не применяются к высказыванию мнений в сети Интернет. Новый закон вводит дополнительный состав в ст. 20.1 КоАП РФ за мелкое хули-

ганство. Причем авторы этого нововведения считают, что недостаточно уже действующих норм, устанавливающих ответственность за оскорбление представителей власти или символов власти: за явное неуважение общества, проявляемое в общественных местах (ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ); за оскорбление (ст. 5.61. КоАП РФ); за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ); за надругательство над государственным гербом, флагом РФ (ст. 329 УК РФ).

Изменения, внесенные в статью 20.1 КоАП РФ, – ч.ч. 3-5 – фактически приравнивают оскорбление власти в Интернете к мелкому хулиганству. Статья не буквально, но довольно близко по смыслу воспроизводит текст знаменитой «антисоветской» статьи («систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй..»), которая до 1989 года существовала в Уголовном кодексе РСФСР (ст. 190.1 УК РСФСР).

Но нужно вспомнить, что в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 года на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы, «политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении

того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий».

Следует отметить, что законодательная формулировка, представляющая сочетание целых трех оценочных терминов, не дает ответа на ключевой вопрос: что означает «неуважение к органам власти», символам или обществу? Толкования этого оценочного термина в законе, а равно и в судебной практике нет. Что касается неуважения, то это понятие всегда предполагает некий стандарт этических ценностей, нарушение которых влечёт неуважение, поэтому какие действия будут считаться неуважением, зависит только от квалификации таких действий судом, а это именно то, что создает широкие возможности для избирательного применения. Аналогично совершенно не понятно, как правоприменители должны трактовать последствие «неуважения» в виде «оскорбления человеческого достоинства и общественной нравственности»? И, в-третьих, не ясно, а что представляет собой сама «неприличная форма» (ведь понятия «неприличная лексика», «неприличная форма выражения», «нецензурная лексика» как в научном лексиконе, так и в общеупотребительной лексике часто не совпадают)? И первые случаи применения закона о неуважении к власти дают определенные поводы для дискуссии относительно его правовой определенности.¹

¹ Первым подвергнутым административному наказанию – штрафу – по ст. 20.3 КоАП РФ стал 34-летний житель Малой Вишеры (Новгородская область) Юрий Картыжев. Суд вынес решение о назначении ему штрафа в 30 тысяч рублей за пост во «ВКонтакте» со словами «Путин – сказочный *****». Закон о неуважении к власти вступил в силу с 29 марта. Картыжев опубликовал свой пост 31 марта. Причем следует заметить, что в посте отсутствовало упоминание о том, что Путин (в посте не указаны были и инициалы данного лица) занимает пост Президента РФ.

Библиографический список

1. Акдениз, Я. Свобода выражения мнения в Интернете: исследование правовых норм и практик, связанных со свободой выражения мнения, свободным потоком информации и плюрализмом СМИ в Интернете в государствах – участниках ОБСЕ. Вена, 2011 год / Я. Акдениз. – URL: <http://www.osce.org/ru/fom/89063?download=true>.
2. Бородин, К.В. Правовое регулирование распространения информации в сети Интернет в условиях информационной войны / К.В. Бородин // Право и кибербезопасность. – 2014. – № 1. – С. 27-31.
3. Ваховский, А.М. Политико-правовые вопросы регулирования Интернета: мировой опыт и российская практика / А.М. Ваховский // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 3-11.
4. Великий фаервол: особенности Интернета в Китае. – URL: <http://tass.ru/info/2530474>.
5. Глазунов, О.Н. Специфика правового регулирования сети Интернет в Китайской Народной Республике / О.Н. Глазунов, В.В. Авдеенко // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 2. – С. 93-96.
6. Доклад Центра «Сова»: неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в 2017 году. – URL: https://www.sova-center.ru/misuse/publications/2018/03/d38945/#_Toc507372805.
7. Ельчанинова, Н.Б. Проблемы совершенствования законодательства в сфере ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет / Н.Б. Ельчанинова // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 12. – С. 119-121.
8. Серeda, М.Ю. Механизм ограничения конституционных прав и свобод человека в сети Интернет / М.Ю. Серeda // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. – 2013. – № 2 (15). – С. 83-93.
9. Соболева, А.К. Свобода выражения мнения в практике Европейского Суда: старые подходы и новые тенденции в толковании статьи 10 ЕКПЧ / А.К. Соболева // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21. – № 2. С. 235-262.
10. King, G. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression / G. King, J. Pan, M.E. Roberts // American Political Science Review. – 2013. – Vol. 107. – Iss. 2. – P. 326-343. – URL: <https://doi.org/10.1017/S0003055413000014>.
11. Comparative study on blocking, filtering and take-down of illegal internet content. URL: <https://www.coe.int/en/web/freedom-expression/study-filtering-blocking-and-take-down-of-illegal-content-on-the-internet>.
12. Online and On All Fronts Russia's Assault on Freedom of Expression. – URL: https://www.hrw.org/report/2017/07/18/online-and-all-fronts/russias-assault-freedom-expression?_ga=2.25635965.1586429801.1500281624-464509152.1496743078.